

Русские эмигранты в рядах польского Сопротивления (Армии Крайовой, Национальных вооруженных сил, Гвардии Людовой) в 1939–1945 гг.

Х. Куберский

Варшава, Институт политических исследований Польской академии наук

Email: h.kuberski@gmail.com

Russian emigrants and Polish Resistance Movement (Armia Krajowa, Narodowe Siły Zbrojne, Gwardia Ludowa) in 1939–1945

H. Kuberski

Warsaw, Institute of Political Studies, Polish Academy of Sciences

Email: h.kuberski@gmail.com

На 1931 г. во Второй Речи Посполитой (II Rzeczpospolita) проживало 138 700 человек, говоривших на русском языке, что составляло 0,43% всех польских граждан. Большинство из них были жителями Вильно (7372 человека, среди них православных — 5276 человек), так что русских в городе насчитывалось даже больше, чем литовцев. В Варшаве было зафиксировано около 4000 русских, а православие исповедовали 9100 человек. Русские жители польской столицы Варшавы были третьими по количеству, уступая лишь полякам и евреям [Spis Ludności, 1936, s. 10–11; Spis Ludności, 1937, s. 11; Spis Ludności, 1938, s. 10–11; Mały rocznik statystyczny, 1938, s. 22, 26].

Несмотря на многочисленную русскую диаспору в стране, значительная часть польского общества, а также правительственные чиновники были скованы давними негативными шаблонами восприятия русских и «русскости», восходившими еще ко временам разделов Первой Речи Посполитой в XVIII в. Польско-русские отношения постоянно колебались между «недоверчивой недоброжелательностью» и «польской русофобией». Только немногие граждане Польской Республики отвергали этот взгляд, в частности, из-за симпатии к коммунизму¹ [Wat, 1990, s. 140]. С другой

¹ AAN. Ambasada RP w Paryżu, T. 82, opracowanie pt. «Zarys rosyjskiego ruchu monarchistycznego na terenie Wileńszczyzny». К. 129.

стороны, в межвоенный период лишь немногие русские эмигранты, жившие в Польше, хотели сотрудничать с поляками и даже подвергались за это остракизму диаспоры. По этой и некоторым другим причинам в 1918–1939 гг. так и не было начато серьезное военное и разведывательное сотрудничество Польши с русскими эмигрантами, не считая попыток взаимодействия с организациями Б.В. Савинкова и Русским общевоинским союзом.

В межвоенной Польше существовало немало русских эмигрантских организаций (Русский попечительный комитет об эмигрантах в Польше, Российский общественный комитет и др.), но центром русской диаспоры была православная церковь. Подавляющее большинство русских эмигрантов были тесно связаны с ней на протяжении двадцати лет (1918–1939 гг.). Активное участие эмигрантов в духовной жизни было самым важным элементом русской идентичности. Сложнее оценить интенсивность участия эмигрантов в жизни церкви и фактическое количество православных прихожан. Эмигранты влились в уже существовавшие церковные структуры, пытаясь изменить их в соответствии со своими взглядами и потребностями. Места богослужения объединяли всех верующих, а также тех, кто мог использовать их для проведения инфильтрации «классовых врагов». Например, варшавская православная церковь Богородицы в районе Прага была одним из самых важных неофициальных центров сплочения «белых» русских. «Те, кто после пения “Боже, царя храни” выходили на площадь перед храмом, устраивали настоящую толчею. Многие там появились не столько по зову души, сколько для дружеских встреч, обмена идеями, сплетнями, оформления различных интересов, не всегда, так или иначе, чистых» [Jastrzębski, 1980, s. 90].

Начавшаяся Вторая мировая война кардинально изменила положение российской диаспоры по всему миру, и в Польше в частности. По свидетельству С.Л. Войцеховского, «крушение Польши было для русских варшавян катастрофой. Оно нарушило размеренную жизнь, многих лишило заработка, а некоторых и крова. Тревожнее житейских затруднений стала близость демаркационной линии, за которой — над Бугом — стояли советские войска. В 1939 г. русское население Речи Посполитой состояло из польских граждан и бесподданных эмигрантов. На словах граждане были равноправны с поляками. Их представителем в сейме был единственный русский депутат, виленский старообрядец Б.А. Пименов. Эмигранты были обладателями нансеновских паспортов, требовавших частого продления. Приобрести в Польше недвижимость они не могли. Передвижение по стране было ограничено чертой оседлости. Въезд

в восточные воеводства был запрещен и допускался только с особого разрешения. Несмотря на это, жилось в Варшаве русским — даже эмигрантам — беззаботно. Страна дышала изобилием. Нетрудно было найти занятие, соответствующее знанию и образованию. Немало было старожил, связанных с Польшей давними узами. Война ударила по ним так же, как и по полякам» [Войцеховский, 2005, с. 401; Вельмин, 1946].

Действительно, русские эмигранты, жившие в Польше, несмотря на различные политические и конфессиональные взгляды и жизненные приоритеты, разделили нелегкую судьбу страны и ее народа в годы мировой войны. Настоящая статья посвящена введению в научный оборот имен русских эмигрантов — участников польского Сопротивления. Она написана на основе документальных материалов, хранящихся в архиве Института национальной памяти Польши и, безусловно, не исчерпывает всей проблематики деятельности и борьбы русских эмигрантов против фашизма, но является прологом нового исторического исследования.

Высшие русские офицеры и польское антифашистское подполье

27 октября 1939 г. оккупированные нацистской Германией территории Польши были переданы в управление гражданской оккупационной администрации, а 12 декабря того же года было создано генерал-губернаторство (нем. Generalgouvernement) со столицей в Кракове. Но уже вскоре после вторжения немецких войск в Польшу, 1 октября 1939 г., делегация Российского общественного комитета явилась к командующему немецкими войсками в Варшаве генерал-майору Карлу-Ульриху Нейману-Нойроде и приветствовала его от имени всего русского населения Варшавы. Однако она не представляла всей диаспоры, и ее действия не встретили широкой поддержки у русских.

В июле 1940 г. оккупационные власти издали декрет о ликвидации всех русских организаций в генерал-губернаторстве, существовавших до прихода германских войск. Управление делами русской эмиграции было переименовано в Русский комитет (Russische Vertrauensstelle), который возглавил Сергей Львович Войцеховский (1900–1984), бывший член правления Российского общественного комитета в Польше. Кроме того, немцы создали также Белорусский, Кавказский и Украинский комитеты.

Немало русских эмигрантов приняли участие в совместной с поляками борьбе против немецкой оккупации, в том числе военные самого высокого ранга. Так, генерал бригады запаса Станислав Никодимович Булак-Балахович (1883–1940) в ходе обороны Варшавы в 1939 г. организовал Добровольческую группу, которая вошла в состав IV оперативной группы обороны Варшавы. Штаб группы генерала Булак-Балаховича находился первоначально на улице Маршалковской, д. 72, затем на ул. Литовской, д. 3. В его состав входили: два заместителя — командующий группой подполковник Николай Николаевич Шустров-Станиславский (военный инвалид, до 25 февраля 1916 г. носил фамилию Шуцман) и полковник Михаил Яковлев, а также офицер по специальным поручениям Константин Гротковский (ветеран армии Булак-Балаховича)². Группа состояла из двух пехотных батальонов, двух эскадронов кавалерии, роты кадетов, батареи противотанковой артиллерии, офицерского взвода, разведывательного взвода, взвода военной полиции и чехословацкого добровольческого батальона. Численно эта группа составляла примерно 1800–2000 солдат и 250 лошадей, на которые приходилось всего 1600 винтовок и 200 сабель. По другой версии, генералу Булак-Балаховичу подчинялась усиленная рота и один или два эскадрона. Группа вела бои в районе деревень Окунев, Вилянов, Черняков, Служевец, Натолин, Мочидло, а позже Маримонт и Беяны. В штабных отчетах того времени генерал Булак-Балахович назывался партизаном.

Уже 9 сентября 1939 г. С.Н. Булак-Балахович направил своего эмиссара, ротмистра Станислава Вотовского, для формирования добровольческих отрядов в Брест, Люблин и Вильно. Тремя днями позже в восточном направлении удалось пробиться отряду полковника Романского, который также был в подчинении генерала. Действия его группы описала Анна Браницка: «В полдень (16 сентября 1939 г. — Х.К.) произошло сражение кавалерийского отряда генерала Булак-Балаховича в Натолине. В борьбу также вступил отряд пехоты под командованием поручика Казимира Феликса Вагнера. <...> Мы получили сведения, что немцы уже в нескольких километрах (от нас. — Х.К.). Кто-то задыхавшийся вбежал наверх и закричал, что сильный бой идет в Натолине. Там много раненых, просят помощи. <...> Атака польской кавалерии на немецкие пулеметы, стоящие в Натолине, была свидетельством большого героизма. Немцы отступили,

² Называется и другой состав командующих группой: начальник штаба — майор, дипломированный пилот Мечислав Шчудловский, офицер для поручений — поручик запаса Евгений Пихель, командир отряда пехоты — поручик запаса Казимир Феликс Вагнер, командир дивизиона кавалерии — капитан запаса Станислав Загойский [Cabanowski, 1993, s. 138; Warszawa, 2004, s. 512; Кручинин, Минцер, 2010, с. 67–74].

к сожалению, ненадолго» [Obrońca Warszawy, 1968, s. 41].

С 23 сентября 1939 г. Добровольческая группа генерала Булак-Балаховича воевала в северной части Варшавы, в районе Маримонта. Ее последним заданием было отбить 26 сентября Беланьский лесок и монастырь камальдулов³ в Белянах, но это сражение закончилось перемирием. Всего в ходе боев группа генерала потеряла убитыми 78 офицеров и унтер-офицеров, а также 399 рядовых [Obrońca Warszawy, 1968, s. 41; Cabanowski, 1993, s. 133–137].

Генерал Булак-Балахович имел прямое отношение к польскому националистическому подполью — военной организации «Союз ящерицы» (Organizacja Wojskowa Związek Jaszczurczy), чья история восходила к XIV в., когда шла борьба между Польшей и тевтонскими рыцарями. Сотрудничество с кругами националистического сопротивления, вероятно, повлияло на негативное мнение главы Союза вооруженной борьбы (Związek Walki Zbrojnej) генерала Стефана Ровецкого (псевдоним Грот) о деятельности Булак-Балаховича и его подразделений. Ровецкий записал в своем полугодовом рапорте: «Военная Конфедерация (печать с государственным гербом и надписью “Национальная Добровольческая армия” — ген<ерала> див<изии> (! — Х.К.) Станислава Булак-Балаховича). Небольшая группа, состоявшая из бывших офицеров ген<ерала> Балаховича. Членами являются служащие гестапо (так в документе. — Х.К.), немного поляков, немного русских белогвардейцев. Генерал Балахович был застрелен немцами на ул. Французской перед собственной квартирой при неизвестных обстоятельствах. До этого громкие и активные, в настоящее время не проявляют никакой активности. Сотрудничество с ними в условиях оккупации исключено. Если смогут создать что-то стоящее, могут быть использованы во время восстания» [Armia Krajowa, 1984, s. 501]. Действительно, члены организации Булак-Балаховича вошли потом в структуры Национальных вооруженных сил и Армии Крайовой.

Другим известным русским офицером, контактировавшим с польским Сопротивлением, был Борис Алексеевич Смысловский-Хольмстон

Могила С.Н. Булак-Балаховича.

© Wikimedia Commons

³ Камальдулы — автономные конгрегации монахов-бенедиктинцев.

(1897–1988) [Грибков, Ковтун, Жуков, 2011]. Первоначально он работал с разведывательной организацией «Мушкетеры» («Muszkieterzy»), а также, вероятно, сотрудничал с антикоммунистической организацией «Меч и плуг» («Miecz i pług»), занимавшейся шпионажем в кругах варшавской русской эмиграции. Позже Смысловский пытался установить контакт и с Армией Крайовой, которая в свою очередь пыталась получить сведения о его личности и связях с русской эмиграцией. Архивы даже сохранили сведения о проведении предварительных переговоров о возможности заключения союза между представителями русской эмиграции и Армией Крайовой [Spatek, 2014, s. 405–407]. Полковник Смысловский характеризовался как «имеющий значительное влияние в Финляндии, Латвии и Эстонии. Установка очень антикоммунистическая, но не пронемецкая. Имеет большую симпатию к англо-американцам, неплохо ориентируется в отношении польского подполья, прилежно читает подпольную прессу. В общем, для польских дел благожелательный»⁴. Однако, несмотря на такие перспективы, в мае 1944 г. члены Армии Крайовой совершили неудачную попытку покушения на Б.А. Смысловского⁵.

Поэтому неудивительно, что дальнейшие контакты полковник поддерживал только с националистическим подпольем — Национальными вооруженными силами (Narodowe Siły Zbrojne). Отношения были установлены с помощью швейцарского журналиста Генриха Блюмера (Blummer). Со второй половины 1944 г. в штабе Б.А. Смысловского находился связной патруль, состоявший из офицеров Бригады Свентокшиской (Brygada Świątokrzyska) Национальных вооруженных сил: поручик Пшемислав Лебиньский (псевдоним Владислав), капитан Здислав Пшибыл (псевдоним Рафаэль Ольбромский), старший лейтенант Королевских военно-воздушных сил Ричард Таллет (псевдоним Гарри). За несколько недель до окончания войны отряды Смысловского были переименованы в 1-ю Русскую национальную армию, в которой находился наследник российского престола великий князь Владимир Кириллович. Свою армию Смысловский вывел в Лихтенштейн, остававшийся нейтральным государством во время войны, и сдался правительству Великого Княжества.

⁴ AAN, 228/8-2 (Społeczny Komitet Antykomunistyczny — «Antyk», «Referat rosyjski, Pułk. Smysłowski», 17 III 1944). К. 95.

⁵ В этой акции принял участие Станислав Аронсон (Stanisław Aronson) из Действующего отряда Кэдыва округа Варшавского «Коллегиум А» (Oddział Dyspozycyjny Kedywu Okręgu Warszawskiego «Kolegium А»); рассказ С. Аронсона (8 июля 2012 г., архив автора). См. также: AAN, 228/8-2 (Społeczny Komitet Antykomunistyczny — «Antyk», Referat rosyjski, Załącznik № 4, 8 XII 1945). К. 87; [Bukalska, Aronson, 2009, s. 99; Aronson, 2008, s. 131–132]

Варшавские конспираторы: Тадеуш Вишне夫斯基 и братья Котляревские

Один из руководителей польского Сопротивления и Комитета гражданской борьбы, последний премьер-министр де-факто Польши в годы войны адвокат Стефан Корбонский (1901–1989) в своих послевоенных воспоминаниях рассказал еще о трех русских эмигрантах, сотрудничавших с Армией Крайовой.

Одним из них был известный ботаник, фитогеограф и альпинист Тадеуш Вишне夫斯基. Он родился 25 мая 1905 г. в Таганроге, но докторскую степень по ботанике получил уже в Варшавском университете. Знаток и коллекционер мхов, большой энтузиаст научно-исследовательских экспедиций, Вишне夫斯基 побывал в Болгарии, Югославии, Лапландии, был участником экспедиции на Кавказ (1935) и Рувензори (1939) и др. Итогом этих поездок были собранные им бесценные гербарии, многие из которых пережили войну, будучи спрятанными в Национальном зоологическом музее. После начала войны Вишне夫斯基 был эвакуирован на Полесскую гидробиологическую станцию в Пинске, затем переехал во Львов, откуда в 1941 г. вернулся в Варшаву.

По воспоминаниям С. Корбонского, в начале 1943 г. в квартире Т. Вишне夫斯基го на улице Згода располагался один из центров антифашистского польского подполья. «Позже, — рассказывал Корбонский, — Вишне夫斯基 начал работать на нас, в частности прятал наши бумаги в своих гербариях. Несколько тысяч папок, содержавших засушенные растения, лежали на деревянных полках в его комнате, и мы временно пользовались ими для нашего архива. Вишне夫斯基 рассказал мне, что его тесть (Ф.А. Котляревский. — Х.К.) не только сторонится тех белых русских и их организаций в Польше, которые пошли на сотрудничество с немцами, часто только ради лучших продовольственных карточек, но даже считает, что пользовавшиеся в течение стольких лет польским гостеприимством русские не должны вести на польской территории политики, расходящейся с интересами (оккупированных. — Х.К.) хозяев. Может быть, тут имели значение и другие побуждения, как, например, нежелание идти с Германией против России, даже советской, но — так или иначе — в нашем распоряжении была квартира, принадлежавшая русскому» [Korboński, 2009, s. 318, 452–455].

После того как осенью 1943 г. гестапо напало на след варшавских подпольщиков и среди них начались аресты, С. Корбонский посоветовал

Т. Вишневному покинуть Варшаву на короткое время и скрыться. Однако ученый отказался, веря, что товарищи не выдадут его, а в квартире гестапо ничего не найдет. «Слушая его, — вспоминал Корбонский, — я с сомнением качал головой. Я бы не поручился за кого-либо, не исключая меня самого, если бы дело дошло до пыток. Что можно сказать? Но ничего не поделаешь! Не хотят — значит не хотят. Может быть, “Рыжий” не арестован, а только скрылся в провинции? Голова была забита множеством других вопросов, связанных с его исчезновением, так что о квартире на улице Згоды я думать перестал. <...> Несколько дней спустя была получена плохая весть. Гестапо ночью ворвалось в квартиру и захватило там всех... На четвертом году войны сознание притупилось и никто так живо, как в начале оккупации, на подобные случаи не отзывался... Однако я едва устоял на ногах, пробегая как-то утром, я увидел красную афишу с фамилиями расстрелянных лиц и наткнулся на имена Вишневого и его тестя. Не поверив глазам, я прочитал их снова. Несмотря ни на что, я не был подготовлен к такому скорому концу. <...> Так погиб молодой, многообещающий ученый и вместе с ним, как косвенный участник нашей борьбы с Германией, благородный русский человек» [Korboński, 2009, s. 319–320]. Доктор Т. Вишневецкий был расстрелян 30 ноября 1943 г. в Варшаве, на ул. Солец, 63, недалеко от костела Тринитариев [Iwaszkiewiczowa, 2000, s. 599; Skirgieńo, 2001, s. 12–13, 15–16; Hryniewicz, 1948, s. 275–280].

Вместе с ним трагическая судьба постигла и двух других русских эмигрантов — братьев Евгения и Феоктиста Котляревских. Тесть Вишневого, Феоктист Ананьевич Котляревский, был редактором ежедневной русскоязычной газеты «Наше время», печатавшейся в Вильно и являвшейся региональным приложением к знаменитой рижской газете «Сегодня» [Лавринец, 2002, с. 68]. Как полагал С.Л. Войцеховский, найденных у Т. Вишневого нелегальных польских изданий было достаточно, чтобы все жившие с ним в одной квартире лица были арестованы. Несмотря на усилия Войцеховского, в то время руководителя Русского комитета, спасти Ф.А. Котляревского, его миссия успеха не имела, и через несколько дней русские варшавяне прочитали фамилию Котляревского в списке расстрелянных. С.Л. Войцеховский считал, что оба брата Котляревские, хорошо известные в варшавской русской колонии, не принимали никакого участия в деятельности польских антифашистских организаций. Он признался, что узнал о связи Ф.А. Котляревского с польскими антифашистами только в 1954 г. из воспоминаний С. Корбонского [Войцеховский, 2005, с. 405–407].

Офицеры: Владимир Бранд и Николай Туманов

Одним из русских офицеров, связанных с польским антифашистским движением, был Владимир Владимирович Бранд (1892–1942). Он родился в Тульской губернии, в 1912 г. окончил Николаевский кадетский корпус, а затем Михайловское артиллерийское училище. Боевой офицер, участник Первой мировой войны, в годы Гражданской войны в России В.В. Бранд стал заместителем командира 6-го самоходного артдивизиона и подполковником Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. В конце 1919 г. он эмигрировал в Польшу, где вступил в Союз защиты родины и свободы Бориса Савинкова.

В среде русских эмигрантов Бранда хорошо знали как известного журналиста и поэта. Он входил в варшавский литературный кружок русских эмигрантов «Таверна поэтов», основанный в начале 1921 г. А.Л. Бемом и Д.В. Философовым. Среди участников «Таверны» были О. Воинов, Б. Евреинов и др. Они устраивали авторские чтения и совместные обсуждения литературных произведений, нередко — в редакции газеты «За Свободу!», которая много писала о деятельности этого кружка. В 1923 г. участники «Таверны» опубликовали сборник «Шестеро — малый альманах поэзии и прозы». Кроме того, кружок тесно сотрудничал с группой молодых польских поэтов, объединенных в литературную группу «Скамандр» («Skamander»). «Таверна поэтов» прервала свою деятельность в 1925 г. [Гомолицкий, 2011, с. 636; Лавринец, 2002, с. 66; Obłakowska-Galanciak, 1996, s. 77–81]. С конца 1920-х гг. В.В. Бранд являлся участником и другого детища Д.В. Философова — «Литературного содружества», которое существовало с 1929 по 1935 г. и первоначально являлось литературной секцией Союза русских писателей и журналистов. Встречи членов содружества проводились два раза в месяц, здесь бывали С.Л. Войцеховский, Л. Гомолицкий, А. Домбровский и др., а также приглашались такие польские литературные знаменитости, как Юлиан Тувим и К. Вежинский [Исмагулова, 2000, с. 346–347].

В 1932–1934 гг. В.В. Бранд был издателем газеты «Молва», а с середины 1930-х гг. до 1939 г. наравне с Д.Ф. Философовым и Д.С. Мережковским (Париж) редактировал еженедельник «Меч» — одно из самых значительных русских изданий в Польше. В 1932 г. он выпустил в Варшаве ротаторным способом сборник «Стихи», а еще через пять лет был в числе авторов «Антологии русской поэзии в Польше» и сборника «Новь».

Об увлечении В.В. Бранда политикой писал С.Л. Войцеховский, подчеркивавший, что он никогда не сходил с пути «политической конспира-

ции», одно время был связан с Братством русской правды⁶, а затем стал одним из ведущих членов Национально-трудового союза нового поколения [Войцеховский, 2005, с. 393; Булгаков, 1993, с. 241]. Еще до войны Бранд был в числе руководителей польского отделения НТС вместе с Георгием Константиновичем Розеншилд-Паулином, Михаилом Викторовичем Мондвилковым и Александром Эмильевичем Вюрглером. Он организовал школу и оперативную группу НТС, а также сотрудничал с польской разведкой.

«Немцы, — вспоминал С.Л. Войцеховский, — не сразу обратили внимание на существование в Польше национальных меньшинств. Они не стали преследовать тех русских эмигрантов, которые в первые дни войны призвали к сопротивлению Германии. Так, например, не пострадали редакторы варшавского журнала “Меч” — В.В. Бранд и Г.Г. Соколов» [Войцеховский, 2005, с. 393]. И в годы войны слушатели школы В.В. Бранда приняли активное участие в деятельности польского антифашистского подполья и в Варшавском восстании [Исмагулова, 2000, с. 348–350].

С лета 1941 г. на оккупированные территории СССР стали перебрасываться группы НТС из Польши, чем руководил председатель польского отдела НТС А.Э. Вюрглер. Впрочем, многие члены организации отправлялись самостоятельно, на свой страх и риск. Всего из Бельгии, Болгарии, Германии, Польши, Прибалтики, Франции, Чехословакии и Югославии в СССР пробралось более 250 человек — примерно каждый пятый член НТС в Европе⁷. В.В. Бранд был направлен в Смоленск и в марте 1942 г. скончался здесь от тифа.

Вторым офицером, связанным с кругами русской эмиграции в Польше, был инженер Николай Христофорович Туманов⁸. Он родился в 1887 г. в Санкт-Петербурге, учился в Политехническом институте, в 1915 г. был призван в армию. Попал в 9-ю армию и служил офицером в инженерных войсках. В июле 1919 г. Туманов оказался в Польше и был направлен в дирекцию водного транспорта Министерства общественных работ. В дальнейшем он женился на польке и работал инженером на фабрике «Прага» в Варшаве⁹.

Летом 1942 г. Н.Х. Туманов познакомился с Артуром Риттером, знаменитым агентом НКВД, впоследствии ставшим прототипом капитана Ганса Клосса, главного героя многосерийного фильма «Ставка больше,

⁶ См. статью П.Н. Базанова в наст. изд.

⁷ AIPN BU 185/340 t. 1, k. 5.

⁸ AIPN BU 0–423/2603 k. 11; k. 14; k. 17.

⁹ Во время гитлеровской оккупации Н.Х. Туманов проживал на улицах Гжибовской, 2, Вейской, 7 и Розбрат, 34.

чем жизнь», который активно действовал на территории Польши в годы Второй мировой войны¹⁰. Туманов произвел на Риттера огромное впечатление своей феноменальной памятью и знанием белой эмиграции не только в Польше, но и в других европейских странах. Именно от Туманова Риттер узнал о существовании в Варшаве русской эмигрантской организации «Офицерское собрание», что заинтересовало НКВД¹¹.

Риттеру удалось подружиться с Тумановым, которого он в свою очередь поразил отличным знанием русского языка и литературы. Н.Х. Туманов был поклонником Лермонтова, Пушкина и других русских поэтов, виртуозно играл на гитаре и ненавидел немцев. Но Риттера он рассматривал как исключение и ввел в круг белых эмигрантов, представив его друзьям как немца-русософила. Рассказывают, что в порыве откровенности и под влиянием алкоголя Туманов говорил Риттеру: «Какой ты немец, ты наш — орловский» [Jastrzębski, 1980, s. 87–88]. Через некоторое время инженер поселился в том же доме, что и Риттер, — в немецком районе Варшавы, на улице Розбрат, 34/36, что позволило агенту НКВД иметь частые, почти ежедневные контакты с русским¹².

Благодаря близкой дружбе Риттер узнал Туманова достаточно хорошо и решил завербовать его для работы в НКВД, получив согласие Центра. В конце 1942 г. он пригласил Туманова в ресторан и на балконе отеля «Европейский» обратился к нему на русском языке с призывом послужить родине и принять участие в борьбе с фашизмом. Как позднее вспоминал А. Риттер, Туманов буквально остолбенел, но через несколько секунд со слезами на глазах тихо произнес: «Артур, я никогда не буду коммунистом, но для моей родины буду делать все. Все!» [Jastrzębski, 1980, s. 89–90]. Все же Н.Х. Туманов попросил время на раздумье и на следующий день сообщил Риттеру, что принимает его предложение¹³.

¹⁰ Риттер-Ястржебский Артур (12.05.1906, Орел — 7 мая 1981, Варшава; псевдонимы Анджей, Богдан, Стефан, (Вильгельм) Телль) был членом Коммунистической партии Польши с 1927 г. После окончания Второй мировой войны он служил в Министерстве общественной безопасности Польши, в 1964–1968 гг. был военным атташе в Риме, затем заместителем главного инспектора Территориальной самообороны — шефом инспекции Гражданской самообороны, генералом бригады.

¹¹ Офицерское собрание насчитывало в 1943 г. около 800 членов. Председателем являлся генерал Валериан Александрович Трусов (30 сент. 1879, Михалков Рязанской губ. — 24 дек. 1957, Нью-Йорк). Командовал Сводной кавалерийской дивизией (1920). В межвоенный период жил в Люблине, ведя активную деятельность в русских военных и монархических организациях. В конце 1930-х гг. руководитель русских военных организаций на территории Польши, см.: [Dunin-Wąsowicz, 1984, s. 53].

¹² ADH PRL. Kolekcja Walerego Namiotkiewicza N-I/29. K. 151–153.

¹³ Ibid. K. 156–157.

przebieg do Warszawy

№. B 21/53/45   Przynal.państw.   bezpieczeństwa

1. Nazwisko i imię - T u m a n o w Mikołaj

2. Data i miejsce urodzenia - 5.5.1887 Leningrad

3. Imiona rodziców - Paweł - Katarzyna

4. Stan cywilny - żonaty

5. Przynależność państwowa - bezpieństwowy

6. Data przybycia do Polski - 15.7.1919

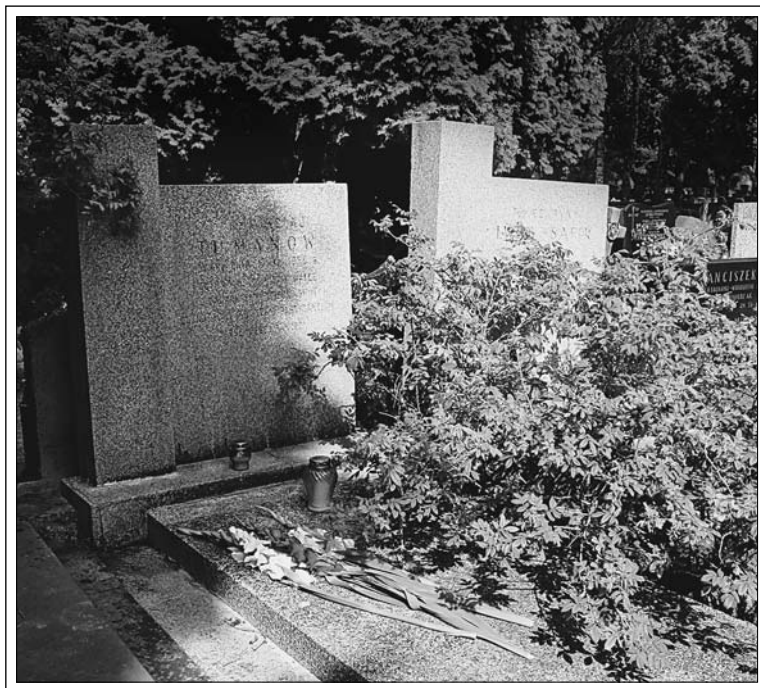
7. Miejsce zamieszkania - Kraków, ul. Stymanowskiego boczna 21/8

8. Zatrudnienie i zawód - inżynier - Fa."Pragit"

9. Dokumenty stwierdzające lub uprawdopodobniające jego przynal.państw.
Paszport Nr.90/39 wyd.w Warszawie dnia 27.7.1939

10. Uwagi:
9.1.7.1946
10. R. M. 06.

Карточка работника Министерства общественной безопасности Н. Туманова.
1946. Архив Института национальной памяти

Могила Н. Туманова на Воинском кладбище Повонзки в Варшаве.
Фото Х. Куберского

Вскоре Риттер и Туманов организовали совместную фиктивную транспортную компанию, которая позволяла легко путешествовать по генерал-губернаторству, а также создавала видимость, что Туманов имеет постоянный и обильный доход, позволяющий организовать различные приемы и встречи, на которые он приглашал людей, ценных для разведки. «Коля работал с воодушевлением, — вспоминал А. Риттер. — Его наполняла радость от обретенной вновь родины и гордость, что он может служить ей в трудное время. Так случилось, что мне пришлось сдерживать его стремления и даже ругать за пренебрежение опасностью» [Jastrzębski, 1980, s. 90–91].

Благодаря дружбе с эмигрантами и своим способностям Туманов добывал важную информацию, используя ничего не подозревавших русских варшавян. Риттер поощрил своего агента, подарив ему гобелен с изображением императора Николая II, сделанный в Жирардове к 300-летию дома Романовых. Вскоре соратники даже планировали убийство генерала А.А. Власова, командующего Русской освободительной армией. «Однажды мы, — рассказывал А. Риттер, — получили информацию о предстоящем прибытии в Варшаву генерала Власова. Сразу передал это сообщение в Центр. Вместе с информацией направил запрос, если обстоятельства будут благоприятны, можно ли убить Власова? <...> Ответ пришел мгновенно: ликвидировать предателя. Имея согласие Центра, я разработал детальный план акции, планируя осуществить его на банкете в честь прибытия Власова в Варшаву. Туманов и я знали все детали. Мы также получили приглашение на банкет, что способствовало подготовке к убийству. Выбрали нужных людей, чтобы выполнить эту задачу. Однако Власов не был дурак, и он точно знал, чего можно ожидать в таком городе, как Варшава. Он прибыл без предупреждения, не встретился с эмигрантами и был в Варшаве менее двух часов, продолжив затем дальнейший путь на восток. В этих условиях наши намерения ни к чему не привели. После освобождения я имел по этой причине неприятности. Оказалось, что это дело было доложено самому Сталину и от него пришел приказ; следовательно, я не выполнил приказ Сталина» [Jastrzębski, 1980, s. 92–93].

С 1944 г. Н.Х. Туманов жил в Кракове, на ул. Боковой, 21 (ул. Шимановского, 21/8), а затем в Ченстохове, на Старом Рынке. Он получил польское гражданство 22 сентября 1951 г. и работал инспектором в департаменте строительства Министерства общественной безопасности. Николай Туманов скончался 17 октября 1960 г. и был похоронен на Воинском кладбище Повонзки в Варшаве рядом со своими сыновьями, погибшими как солдаты Армии Крайовой во время Варшавского восстания.

Русские эмигранты — участники Варшавского восстания

Одним из малоизвестных эпизодов Варшавского восстания 1944 г. является участие в боях на стороне восставших нескольких русских эмигрантов. Двое из них — сыновья Н.Х. Туманова, оба погибли в боях.

Первый из них — Владимир Туманов (17 нояб. 1924 — 11 авг. 1944) — был членом Армии Крайовой и воевал в звании стрелка под псевдонимом Князь. Служил в IV районе Варшавского округа Армии Крайовой¹⁴. Это подразделение защищало город с юго-западной стороны, граничащей с районами Мокотов, Средместье и Воля. Захват района Охота восставшими закрывал немцам доступ к самым коротким транспортным артериям, ведущим с юго-запада и юга через центр города к мостам на Висле. Это значительно усложняло снабжение немецких и венгерских дивизий 9-й армии, сражавшихся с советской 2-й танковой армией. Участникам восстания не удалось захватить укрепленные немецкие казармы в районе Охота из-за слабого вооружения отрядов восставших и небольшой численности бойцов. В решающие моменты в рядах повстанцев насчитывалось едва 50–60% личного состава линейных батальонов. Атаки, начавшиеся 1 августа в 17 часов, быстро заканчивались из-за массовой гибели атакующих. Несмотря на отвагу и мужество, им не удалось захватить ни одного стратегически важного объекта, и вскоре подполковник Соколовский принял решение об эвакуации уцелевших сил в Хойновские и Сенкочинские леса для перевооружения.

В ночь с 1 на 2 августа от дома 7/9 на улице Немцевича колонна численностью более 500 человек, из которых лишь 50 бойцов были хорошо вооружены, двинулась в сторону леса. В районе Охоты остались три отделения, которые не получили информацию о начале отхода. Среди этих повстанцев находился и Владимир Туманов, служивший во взводе подпоручика Ежи Голембевского (псевдоним Стах). Именно эти восставшие организовали оборону Вавельской редуты. После провала соседней редуты, Калишской (квартал улиц Копиньской, Белобжеской, Йотейки, Калишской), взвод подпоручика Стаха успешно оборонялся почти целую неделю. Бойцам Армии Крайовой на короткое время удалось вывести

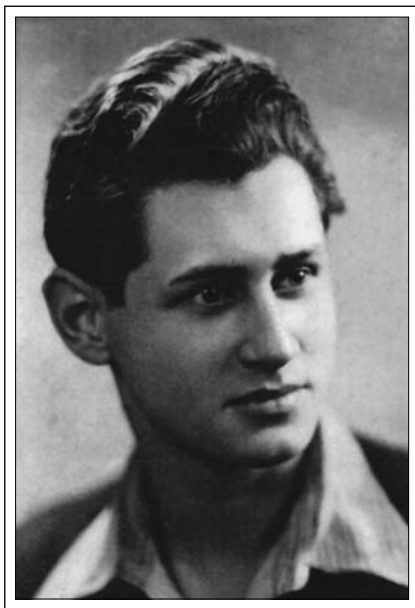
¹⁴ Организационная структура Варшавского округа Армии Крайовой в период немецкой оккупации в Польше. За день до начала Варшавского восстания ее численность достигла 1500–1800 солдат и офицеров. В ее состав входила также Воинская служба женщин — *Wojskowa Służba Kobiąt*, насчитывавшая около 400 подпольщиц в санитарных отделениях и отделениях связи. Командиром IV района был подполковник Мечислав Казимир Соколовский, псевдоним Гжимала.

*В. Туманов. Не позднее 1944.
Музей Варшавского восстания*

*Памятная доска В. Туманова на Воинском кладбище Повонзки в Варшаве.
Фото Х. Куберского*

Е. Туманов. Не позднее 1944. Музей Варшавского восстания

Могила Е. Туманова на Воинском кладбище Повонзки в Варшаве. Фото Х. Куберского

из строя одну из немецких противотанковых установок Jagdpanzer 38 (t) Hetzer из 1-й роты противотанкового подразделения № 743.

Во время этих боев в здании дома на улице Вавельской, 6 в августе 1944 г. Владимир Туманов был тяжело ранен. Его перевели в госпиталь, который находился в подвале дома № 15 на ул. Мяновского. Ввиду штурма позиций повстанцы вынуждены были эвакуироваться по канализационным каналам, на месте оставалось 15 санитарок и 3 врача, они ухаживали за 20 тяжелоранеными. Несмотря на то что был вывешен белый флаг, дома по-прежнему подвергались обстрелу, а позднее солдатам Русской освободительной армии удалось пробиться на ул. Вавельскую и жестоко расправиться с тяжелобольными и ранеными. В числе погибших был и Владимир Туманов [Wróniszewski, 2002, s. 111–112]. В память о стрелке Князе в Музее Варшавского восстания в Стену памяти встроена мемориальная доска.

Брат Владимира, Евгений Туманов (9.08.1926 — 18.08.1944), воевал в звании стрелка под псевдонимом Тур. Он был распределен в III район Воля Варшавского округа Армии Крайовой, служил в отделении охраны коменданта III района — 300-го взвода охраны под командованием подпоручика запаса Стефана Мрозовского (псевдоним Пик). После недельных боев за район Воля 300-й взвод отступил в район Старого города, ведя бои в группе «Север». Потерпев поражение в этом районе, Евгений Туманов вместе со своим отрядом ушел каналами в район Жолибож. Здесь он сражался в группе «Парусник» роты «Жаба» 208-го взвода подпоручика Эдуарда Бонаровского (псевдоним Остромир). Здесь младший из братьев Тумановых подружился с Ежи Мождинским (псевдоним Борута) и вместе с ним служил в молодежной группе.

О гибели Е.Н. Туманова сохранились воспоминания его сослуживца по обороне здания 5-го государственного лицея и гимназии имени князя Юзефа Понятовского, так называемой Понятувки: «Только в первой половине сентября первая и единственная в своем роде потеря. Заканчивая последний обход постов, под утро, унтер-офицер “Фаб”¹⁵ с трудом пробрался через развалины разрушенной парадной лестничной клетки между этажами, где должен был стоять на посту стрелок “Тур”. Обнаружил его, лежащего между этажами в таком положении: сломанным позвоночником опирался на вертикальный стержень поручня лестницы, головой на ступени верхнего этажа, ногами — нижнего. Никаких других травм на теле не было — даже следов крови. Его лишила жизни взрывная волна. “Тур” был первым погибшим из молодежной группы. На “Понятувце” состоялись его похороны... В столярных школьных мастерских,

¹⁵ Фабиан Рафальский.

размещавшихся во дворе, партизаны соорудили ему гроб, унтер-офицер “Янек” Дземянко, который практически исполнял роль командира батальона, умыл ему лицо: “так как не годится, чтобы солдат уходил в мир иной грязным”, вынул из его кармана документы и партизанский пропуск, добавил к этому “свидетельство о смерти” с датой гибели — все это вложил в бутылку от пива с резиновой пробкой. И вложил ту бутылку в гроб при левой ноге. На правом боку покойника не должно ничего лежать, так как, когда он будет отчитываться “там” о своем прибытии, то должен будет отдать честь — правая рука солдата должна быть свободна. Так много раз в Пуще готовил “Янек” Дземянко солдат на тот свет. Позже гроб будет перенесен в школьный актовый зал, превращенный в часовню. В этой часовне капеллан 21-го пехотного полка ксендз Стефан Сыдры отслужил панихиду, а сослуживцы в молчании смотрели на открытый гроб, после чего его закрыли и перенесли на край школьной спортплощадки в выкопанную там могилу» [Bonarowski, 2014, s. 192–193].

Евгений Туманов погиб 18 сентября 1944 г. Мать его друга Ежи Моздинского, Хана, нашла в июле 1945 г. могилы обоих друзей. Женщине удалось провести эксгумацию и похоронить их на Воинском кладбище Повонзки в Варшаве. Родители Туманова узнали о местонахождении его могилы лишь в 1950 г. Памяти Тура в Музее Варшавского восстания в Стену памяти встроена мемориальная доска.

В дни Варшавского восстания с медицинской службой Армии Крайовой были связаны и русские женщины-эмигрантки. Одна из них — Надежда Сергеевна Друцкая, в замужестве О’Брайен де Ласи (17.01.1898 — 29.08.1986).

Она родилась в Варшаве в семье генерал-майора и профессора Военно-юридической академии Сергея Друцкого и Марии Сафонович. Семья Надежды Друцкой с 1902 г. проживала в Санкт-Петербурге. Она окончила Смольный институт благородных девиц (1914). С началом Первой мировой войны семья Друцких переехала в Москву. Надежда окончила там медицинские курсы и как медсестра Красного Креста попала на фронт, где познакомилась с поляком ирландского происхождения (и будущим президентом Гродно) Маурицием О’Брайеном де Ласи. В Москве в августе 1918 г. она вышла за него замуж. Позднее им удалось уехать в Польшу, в родовое имение Мауриция, Августовку, где они проживали до 1939 г.

Надежда Друцкая-О’Брайен де Ласи вела в Польше активную благотворительную и литературную деятельность. Она была вице-президентом Круга земляков, вице-президентом отделения Польского Красного Креста и председателем Общества любителей литературы и искусства им. Элизы Ожешковой в Гродно. Благодаря ее деятельности в Августовку приезжали такие выдающиеся польские писатели, как Мария Домбровская,

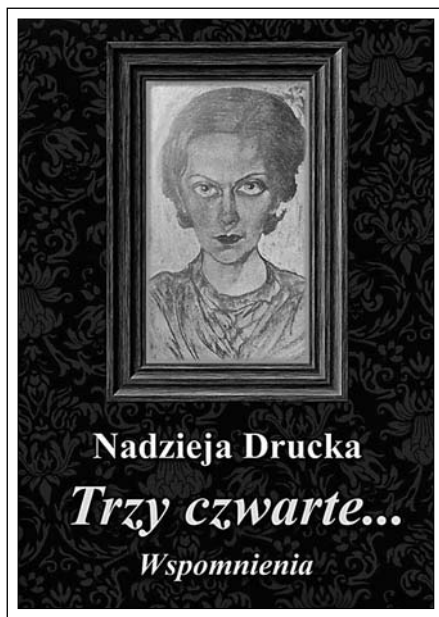
Стена памяти в Музее Варшавского восстания.
Варшава. Фото Х. Куберского

Плита с именами Е. и В. Тумановых в Стене памяти Музея Варшавского восстания.
Варшава. Фото Х. Куберского

Н.С. Друцкая-О'Брайен де Ласи.
После 1945.
Музей Варшавского восстания

Обложка книги Н.С. Друцкой-О'Брайен де Ласи
«Три четверти» с портретом работы
С.И. Виткевича (Ломянки, 2011)

Могила Н.С. Друцкой-О'Брайен де Ласи на Варшавском православном кладбище.
Фото Х. Куберского

София Налковская, Станислав Виткевич, Юлиуш Каден-Бандровский, Ян Парандовский и Юлиан Тувим. В 1930 г. Друцкая-О'Брайен де Ласи вступила в польский ПЕН-клуб. Каждый год она организовывала летние лагеря для местных неимущих детей, а также была тесно связана с представителями русской эмиграции в Польше [Nałkowska, 1980, s. 180–181; Syruła-Gliwa, 2008, s. 69].

В 1941 г. Надежда Друцкая-О'Брайен де Ласи, ее муж и дочери Габриэла и Ирена, находившись в Литве, нелегально перешли границу и переправились на территорию генерал-губернаторства, в Варшаву, где пережили всю гитлеровскую оккупацию. Надежда Сергеевна Друцкая преподавала иностранные языки. Участвовала в подпольной педагогической деятельности — уникальном новаторском явлении польского Сопротивления. Она вспоминала: «Существовало тайное школьное образование и официальное профессиональное, где также преподавали нелегально такие предметы, как история, география и польская литература. Гая пошла в Школу торговли на Новогродской. Ирена начала работать официанткой в каком-то клубе. Некоторые знакомые русские и грузины намекали, чтобы мы записались в Русский комитет, что спасало бы от облав и давало бы разные привилегии». Однако семья Надежды Сергеевны отказалась это сделать. В своих мемуарах Надежда Сергеевна добавила подробности о «тайных занятиях»: «Варшаву сначала поделили на пять районов, в последующем на тринадцать. Во главе района находилось управление, состоящее из трех человек и занимающееся вопросами “тайных занятий”, дружеской взаимопомощи, а также гражданской и воинской обороны. В одном районе было около десяти школ, в каждой из них учителя выбирали связного между школой и управлением района. <...> Учебные программы были общими для всех школ и базировались на предвоенных программах с небольшими отступлениями в сторону демократизации. Несмотря на усиливающийся террор, настроение было твердое и патриотическое» [Drucka, 2011, s. 140]. По сведениям Н.С. Друцкой, в последние годы немецкой оккупации число учеников начальных школ в Варшаве составляло около 68 тыс. человек, из них примерно 12 тыс. участвовали в «тайных занятиях»; а на всех уровнях средней школы только в Варшаве получали «тайное образование» около 24 тыс. молодых людей [Drucka, 1973, s. 49–50, 60; Drucka, 2011, s. 140].

Многие страницы воспоминаний Н.С. Друцкой посвящены напряженной и скрытной внутренней жизни семей в оккупированной немцами Варшаве: «Я уже знала, что Мауриций состоит в тайной организации, хотя не говорит об этом, вскоре и я при содействии поручика Павла Кадена-Бандровского вошла в Санитарият Красного Креста, скрывая это от мужа и детей. <...> Я предполагала, что моя старшая дочь Ирена, которая работала в

какой-то косметической фирме, состоит в организации, так как она где-то пропала после полудня и возвращалась пять минут спустя после начала комендантского часа... Я не спрашивала ни о чем ни ее, ни мужа. <...> Только за несколько месяцев до восстания “мы раскрылись”, не скрывая своей продолжающейся несколько лет деятельности» [Drucka, 2011, s. 141, 147]¹⁶.

Во время Варшавского восстания Надежда Сергеевна служила под псевдонимом Литерат в женской организации «Помощь солдату» («Pomoc Żołnierzowi»). Так называлась санитарная служба Варшавского округа Армии Крайовой, которой руководил подполковник доктор Генрик Ленк (псевдоним Бакцила). Вместе с Надеждой Сергеевной работала ее 25-летняя дочь Габриела О’Брайен де Ласи (псевдоним Гая). Будучи санитаркой, она тоже принимала участие в Варшавском восстании. Сама Надежда Сергеевна во время Варшавского восстания была санитаркой полевого госпиталя (спасательно-санитарный № 3) группировки «Крыска» на ул. Окронг, 2/4 (с 8 августа по 19 сентября), а потом на ул. Виляновкой, 18/20 (с 19 по 23 сентября) на Верхнем Чернякове. Комендантом госпиталя была доктор Ирена Семадени-Конопатка [Drucka, 2011, s. 151; Urbanek, 1988, s. 252, 365, 369].

После войны Надежда Сергеевна Друцкая-О’Брайен де Ласи продолжала жить в Польше. С 1947 по 1949 г. она работала в варшавском Бюро восстановления столицы, после чего занималась литературной деятельностью. Правительство Польши наградило Надежду Друцкую Кавалерским крестом ордена Возрождения Польши (Полония Реститута). В Варшаве она прожила вплоть до своей кончины 29 августа 1986 г. и была похоронена на Варшавском православном кладбище.

Заключение

Настоящая работа лишь контурно намечает возможности дальнейшего изучения проблематики участия и борьбы русских эмигрантов с фашистскими оккупантами в рамках польского Соппротивления¹⁷. Ее можно

¹⁶ Человечность этой необыкновенной женщины подчеркивают слова: «Я всегда считала, что роль женщины на свете — это не убивать, только давать жизнь и облегчать терпение. В свое время, еще в России, я написала статью, напечатанную в газете, редактором которой был мой отец, и там я выразила свой протест против женских батальонов» [Drucka, 2011, s. 141, 147].

¹⁷ Следует еще упомянуть русских эмигрантов, участвовавших в борьбе Армии Крайовой в Виленском и Новогрудском округах: Валериан Трифионов (псевдоним Костэк), Николай Курочкин

рассматривать как заявку на новое историческое исследование на базе документов архива Института национальной памяти. Введение в научный и общественный оборот новых документов о жизни и деятельности русских эмигрантов в Польшу в годы Второй мировой войны, несомненно, прибавит много примеров совместной героической борьбы с нацизмом и откроет новые страницы российско-польского взаимодействия и сотрудничества.

Лидия Львова — партизанка.
Не позднее 1945

СОКРАЩЕНИЯ

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НТС — Народно-трудовой союз российских солидаристов

AAN — Archiwum Akt Nowych (Варшава, Польша)

ADH PRL — Archiwum Dokumentacji Historycznej Polska Rzeczpospolita Ludowa (Варшава, Польша)

AIPN BU — Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej Biuro Udostępniania (Варшава, Польша)

ЛИТЕРАТУРА

Булгаков, 1993 — Булгаков В. Словарь русских зарубежных писателей. N. Y., 1993.

Вельмин, 1946 — Вельмин А. Русское население в Польше во время немецкой оккупации // Новый журнал. 1946. Кн. 14.

Войцеховский, 2005 — Войцеховский С.Л. Эпизоды. М., 2005.

Гомолицкий, 2011 — Гомолицкий Л. Сочинения русского периода: в 3 т. Т. 2: Стихотворения и переводы. Роман в стихах. Из переписки. М., 2011.

Грибков, Ковтун, Жуков, 2011 — Грибков И.В., Ковтун И.И., Жуков Д.А. Особый штаб «Россия». М., 2011.

Исмагулова, 2000 — Исмагулова Т. Русская эмиграция в Польше: (Владимир Бранд — поэт и воин «русской Варшавы») // Зарубежная Россия 1917–1939 гг.: Сб. ст. СПб., 2000. С. 345–353.

(псевдоним Лесный), его брат Анатолий Курочкин (псевдоним Вяз), Владимир Юрасов (псевдоним Вярус), санитарка Лидия Львова (псевдоним Эва).

- Кручинин, Мицнер, 2010 — Генерал Станислав Булак-Балахович в 1939 году / публ. А. Кручинина, П. Мицнера // Новая Польша. 2010. № 7/8. С. 67–74.
- Лавринец, 2002 — Лавринец П. К истории Виленского содружества поэтов // Literatura. 2002. № 44. С. 63–76.
- Armia Krajowa, 1984 — Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945 / ed. H. Czarnocka et al. T. 1: Wrzesień 1939 — czerwiec 1941. L., 1984.
- Aronson, 2008 — Uciekłem z transportu, trafiłem do Kedywu ze Stanisławem Aronsonem, pseudonim «Rysiek» rozmawia Marcin Urynowicz // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. 2008. № 8/9.
- Bonarowski, 2014 — Bonarowski E. Burza nad Dworcem Gdańskim. W bój bez broni. Warszawa; Kraków, 2014.
- Bukalska, Aronson, 2009 — Bukalska P., Aronson S. Rysiek z Kedywu. Niezwykłe losy Stanisława Aronsona. Kraków, 2009.
- Cabanowski, 1993 — Cabanowski M. Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz. Zapomniany bohater. Warszawa, 1993.
- Drucka, 1973 — Drucka N. Szkoła w podziemiu. Z dziejów polskiego tajnego nauczania w latach okupacji hitlerowskiej. Warszawa, 1973.
- Drucka 2011, — Drucka N. Trzy czwarte...: Wspomnienia. Łomianki, 2011.
- Dunin-Wąsowicz, 1984 — Dunin-Wąsowicz K. Warszawa w latach 1939–1945 / Dzieje Warszawy / red. S. Kieniewicz. T. 5. Warszawa, 1984.
- Hryniewiecki, 1948 — Hryniewiecki B. Tadeusz Wiśniewski (1905–1943): Wspomnienie pośmiertne // Acta Societatis Botanicorum Poloniae. 1948. Vol. XIX. № 2.
- Iwaszkiewiczowa, 2000 — Iwaszkiewiczowa A. Dzienniki i wspomnienia. Warszawa, 2000.
- Jastrzębski, 1980 — Jastrzębski A. Życie na krawędzi: Wspomnienia żołnierzy antyhitlerowskiego wywiadu, opr. Władysław Kozaczuk. Warszawa, 1980.
- Korboński, 2009 — Korboński S. W imieniu Rzeczypospolitej. Warszawa, 2009.
- Mały rocznik statystyczny, 1938 — Mały rocznik statystyczny 1939. Warszawa, 1938.
- Nałkowska, 1980 — Nałkowska Z. Dzienniki. T 3: 1918–1929. Warszawa, 1980.
- Obłąkowska-Galanciak, 1996 — Obłąkowska-Galanciak I. Из истории русской эмиграции («Таверна поэтов» — Варшава 1921–1925) // Studia Rossica III. Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia. Materiały konferencji naukowej (9–10 listopada 1995 r.) / red. Wiktor Skrunda и Wanda Zmarzer. Warszawa, 1996.
- Obrona Warszawy, 1968 — Obrona Warszawy w 1939 r.: wybór dokumentów wojskowych, oprac. Mieczysław Cielewicz. Warszawa, 1968.
- Skirgieńo, 2001 — Skirgieńo A. Powstanie i rozwój Zakładu Systematyki i Geografii Roślin Uniwersytetu Warszawskiego (w zarysie). Warszawa, 2001.
- Skirgieńo 2006, — Skirgieńo A. Zapiski ze stuletniego życia. Warszawa, 2006.

- Spałek, 2014 — Spałek R. Komuniści przeciw komunistom. Poszukiwanie wroga wewnętrznego w kierownictwie partii komunistycznej w Polsce w latach 1948–1956. Poznań; Warszawa, 2014.
- Spis Ludności, 1936 — Drugi Powszechny Spis Ludności z dn. 9.XII 1931 r., Województwo Wileńskie bez miasta Wilna, Statystyka Polski, Serja C, Zeszyt 36. Warszawa, 1936.
- Spis Ludności, 1937 — Drugi Powszechny Spis Ludności z dn. 9.XII 1931 r., Miasto Wilno, Statystyka Polski, Seria C, Zeszyt 48. Warszawa, 1937.
- Spis Ludności, 1938 — Drugi Powszechny Spis Ludności z dn. 9.XII 1931 r., Województwo Nowogródzkie, Statystyka Polski, Seria C, Zeszyt 71. Warszawa, 1938.
- Sypuła-Gliwa, 2008 — Sypuła-Gliwa J. Dzikie geëiz Zielonej Wyspy // Echa Polesia. 2008. № 4.
- Urbanek, 1988 — Urbanek B. Pielęgniarki i sanitariuszki w Powstaniu Warszawskim w 1944 r. Warszawa, 1988.
- Warszawa, 2004 — Warszawa we wrześniu 1939 roku. Obrona i życie codzienne / red. Czesław Grzelak. Warszawa, 2004.
- Wat, 1990 — Wat A. Mój wiek. T. 1. Warszawa, 1990.
- Wroniszewski, 2002 — Wroniszewski J.K. Ochota Okęcie. Warszawskie Termopile 1944. Przewodnik historyczny po miejscach walk i pamięci z lat 1939–1944. Warszawa, 2002.